

Опочецкие староверы

*Лагунин И.И.,
искусствовед-архитектор,
член-корреспондент Академии архитектурного наследия,
член Союза архитекторов России*

Комплексная экспедиция Псковского государственного музея-заповедника 18-26 мая 1976 г. по территории бывшего Опочецкого уезда начиналась с его восточных волостей – мы посетили погосты Терebeneи, Камено и др. примечательные места, где собирали обычные для нашего края предметы старины. В Терebeneях встретились удивительные иконы псковского письма довольно позднего периода, что является особым признаком стойкости псковских иконописных традиций, и более раннего, чем современное убранство ныне знаменитого храма. Помнится, я попытался договориться о передаче хотя бы одной такой иконы на сохранение в музей, даже предложил поменять ее на большую икону из обменного фонда музея, учитывая особую ценность деисусного чина, который был тогда выставлен из храма в притвор. Вызывала озабоченность охрана церковного здания, никто, кроме батюшки, не следил, не отвечал за сохранность ценного убранства и, можно сказать, выдающихся произведений псковской иконописи.¹ Икону на обмен по предварительной договоренности мы потом привезли, но попытка так и не удалась. Батюшка не решал такие вопросы, староста общины в конце концов тоже уклонилась от своих обещаний. Комплексная экспедиция была задумана на тот случай, если не удастся работа со староверами. Такие экспедиции организовывались не без труда, и вернуться без экспонатов для музея мы просто не имели права.

Меня, как руководителя Архитектурного отдела, увлекали достоинства крестьянского, церковного зодчества срединной территории Псковского края, которые изучались по ограниченности времени с помощью фотоаппарата. Фактически мне довелось стать постоянным фотографом серии экспедиций и составить альбом снимков уходящей старины. Правда все надо было делать бегом – собирать, фиксировать на фотоаппарат, описывать и заниматься вполне бытовыми и хозяйственными вопросами, что иногда плохо отражалось на качестве фотографий.

В ходе экспедиции постепенно все больше увлекали азарт поиска и специфические особенности староверской старины, которая в Псковском крае в те времена была еще малоизученной страницей. Насколько помнится, это была первая подобная и разведочная экспедиция, организованная руководителем Древлехраманища Псковского музея-заповедника Ниной Петровной Осиповой, которая мечтала открыть новый пласт псковской книжности, проверить на собственном опыте (которого пока не было) перспективность собирательской работы среди староверов. Надо заметить, это ей прекрасно удалось. Музейное собрание пополнилось десятками произведений книжности, редкими рукописями, иллюминированными прекрасными рукописными книгами и

¹ Наши худшие опасения подтвердились годы спустя, когда из храма похитили выдающуюся икону «Святой Христофор с песьей головой» из того самого чина, а может быть ту самую, которую мы хотели обменять.

изданиями XVIII-XIX вв. и допетровской эпохи. А музейный научный аппарат – новыми каталогами книжного собрания, в котором заметное место занимали новые пополнения. В результате, под руководством Н.П. Осиповой нам удалось развернуть настоящую программу обследования области на предмет поиска старинных книг и рукописей, обладателями которых, как известно, преимущественно выступали хранители старой веры.

До этой экспедиции по данной части было больше вопросов. Сохранились ли книжные сокровища у псковских староверов? Как они отнесутся к незванным просителям и будут ли вообще с нами общаться? Как и где их вообще искать? На тот момент у нас были самые общие сведения об их существовании и местах пребывания. Одним из таких перспективных мест названы были берега реки Синей на территории бывшего Опочецкого уезда, ныне деревни и волости Красногородского и Опочецкого районов.

Первая экспедиция получилась. Вскоре, когда наши самые смелые ожидания стали подтверждаться, а сомнения развеиваться, нас увлек азарт поиска. Стали попадаться старинные книги, иконы, предметы одежды и быта уходящей, древней – сильной и самобытной российской духовной культуры. К тому же у меня самого есть некоторые основания предполагать, что предки тоже были староверами, по крайней мере, до сер. XIX в., когда государственное давление усилилось и переход в государственное православие (никонианство) был предрешен. Об этом могу судить по силе и даже истовости веры моих старших родственников. Начало исследованию положил Опочецкий уезд – Красногородский край и староверческое Пои'сье, по определению наших литовских коллег, которые прошли позднее по нашим следам. Подобная форма вполне оправдана местными диалектными языковыми особенностями – например, в названии деревни Поси'нье на реке Синей.

Наши поиски дали первые результаты на дороге Платишно – Лукино. В Платишно один дедок рассказал, что о книгах он знает, и такая книга есть у его родственника, который живет в Пскове. В следующей д. Лукино нам достался первый «Часослов». Почему староверы отдавали нам в музей богослужебные книги, иногда даже иконы или бронзовое литье? Просто они уже поневоле понимали, что старая вера уходит, сами себя называли «холодными» последователями и нередко не видели прямых продолжателей. Как правило, это были пожилые люди и даже весьма преклонных лет. В этих условиях легче было убедить, что памятники их веры, память о них могут сохраниться в музейном собрании. Немалое значение имело проявленное уважение к их вере, которого часто тоже не доставало людям, испытавшим немало преследований и гонений за веру, а ныне испытывавших горечь полного ее забвения. Конечно, передавали в первую очередь те предметы уходящей старины, которыми уже не могли пользоваться по ветхости либо по недостатку грамотности. И книги «пошли'».

В д. Рогали нам «подали» книги, а в д. Сидорово ждала настоящая большая удача. Петр Иванович Иванов, 1888 г. р., – настоящий пророк с длинной белой бородой и глубоким взглядом, в длиннополом пальто-кафтани из черного сукна – передал нам сразу десять(!) книг. Нечего и говорить, что цены такому подарку просто нет. В их числе: рукописный сборник, гектографическое издание, ценная

старообрядческая печатная книга и одна из собственных тетрадей с записями духовного содержания, которых у него было несколько. Такие старoverы, как правило, были духовными наставниками местных общин, много испытывавшими и пользовавшимися у местных жителей особым почтением. Нам встречались поразительные люди – настоящие духовные гиганты. Кажется, именно его судьба поразила еще и тем, что за одиноким, по возрасту беспомощным стариком совершенно бескорыстно в деревне ухаживала сравнительно молодая и безусловно верующая чужая ему по крови женщина. Но она, как и другие жители округа, уже не умела читать по-старому, и передать ценнейшее для глубоко верующего человека духовное собрание оказалось некому. Нам довелось стать случайными для этого человека наследниками самого главного – духовного богатства и невольными свидетелями необыкновенной трагедии уходящего мира.

Трудно себе представить, что вся эпопея, одна из самых плодотворных в нашей собирательской практике, уложилась в какие-то пару дней. Летняя погода позволила забраться подальше, в самую глубь интересующего нас края. В д. Зайцы нам дали книгу. Но, пожалуй, самое важное нас ждало в другом месте. Местные жители, которые поверили нам и стали понемногу раскрываться, сообщили о том, что в д. Соснивица была или еще существует настоящая старoverская моленная. Туда мы немедленно и отправились. Оказалось, что моленная в Соснивице действительно была, но сгорела еще в 1929 г. Тем не менее, местным верующим удалось спасти и сохранить вплоть до нашего времени целых два сундука(!) книг из собрания общины. Жительница деревни по фамилии Тарасова сказала, где хранятся книги, но она лишь соседка наставницы. Понимая всю обреченность старых книг, которыми уже никто в округе не пользовался по неграмотности, притронуться к священным сокровищам, которые хранились в сыром запущенном доме, она не могла разрешить. Только по благословию наставницы матушки Фекти, на которой лежала основная ответственность за книги и которая жила в соседней деревне. Пришлось отправиться в Лопатчиху за благословением. Матушка Фектя оказалась вполне доброжелательной пожилой женщиной, неграмотной, но свято хранящей завет предков. На наши уговоры она поддалась не сразу. Она даже разрешила себя сфотографировать в традиционной старoverческой одежде. И даже оделась специально для нас – в черный глухой сарафан-«синяк», черный платок, черные старинного вида ботинки. Она взяла в руки лестовку – старoverские четки из ткани с треугольным окончанием – и встала на крылечко своего дома. После всех уговоров она дала разрешение соседке передать нам наиболее ветхую часть библиотеки моленной – только те книги и рукописи, которые сильно обветшали, а некоторые просто распались на отдельные листы. Но это и было как раз самое старое и ценное, включая иллюминированные рукописи едва ли не XV(!) в. Нам удалось заполучить для музея целый книжный фонд Соснивицкой моленной, хотя еще один сундук книг в нежилом доме матери Фекти так и остался нетронутым (и, возможно, о чем не хотелось бы думать, оказался утраченным). Но и того, что мы получили, было достаточно для большой радости собирателей. Грех было настаивать на большем, ведь нам

и так пошли навстречу люди, которые с трудом преступали внутреннее сопротивление. Даже при том, что удача от самого ценного улова из всех староверческих экспедиций омрачалась сознанием, что еще немалое число книг осталось под угрозой и могло быть взято в музей хотя бы частично, без ущерба для общины, день оказался одним из самых счастливых. Мы пересекли границу Опочецкого района, где нас ждала новая удача. В Тряпах нам предстояло встретиться с семьей Порфирия (Парфёна) Алексеевича Михайлова (ему было 82 года) и Ирины Михайловны (73-х лет). В этом доме книги собирались со всей старообрядческой округи на протяжении нескольких лет. Часть их торжественно хранилась в переднем углу, за за'весью и предназначалась для богослужебных чтений. Чтения еще проводились в этом доме, хотя и для самого малого круга людей. Эти книги нам дали посмотреть только выборочно. Однако, настоящее богатство, что прекрасно осознавал его владелец, хранилось без употребления на чердаке. Это был красивый, ухоженный сундук книг, в основном старопечатных, среди которых были и совсем поздние, предреволюционного времени рукописные фолианты в больших прекрасных кожаных переплетах. Старец Парфен подбирал красивые и хорошо сохранившиеся экземпляры по содержанию. Тяготел он к книгам не только предназначенным для богослужений – к Четым Минеям, поучительным и повествовательным. Это было отборное собрание еще одного фондообразователя. Нам досталось тогда 8 книг. А впоследствии, после переписки и дополнительных выездов удалось выкупить и весь сундук за не столь уж большие по тому времени деньги, ничтожно малые за такое богатство, по возможностям музея. Такое стало возможно только на фоне упадка старой веры, носители которой уходили на наших глазах. Парфену приходилось думать о потомках. Для своих нужд оставались необходимые книги, а судьба всего собрания его не могла не волновать. В разговоре Парфен заметил, что мы, на удивление, оказались первыми, кого вообще заинтересовали староверские книги.

Вечер этого дня на озере в Опочецком районе оказался для нас по-настоящему праздничным. Праздничный ужин имел и еще один повод. Нашему замечательному водителю Евгению исполнилось тогда 39 лет. Короткие дни экспедиции были переполнены важными событиями и встречами. Мы побывали в Опочецком музее, успели почитать лекции в опочецких школах. Воспоминания о тех днях и необыкновенных людях Опочецкого края для меня, как собирателя, остались без преувеличения одними из самых запоминающихся.

Краткая справка о староверах Поисья федосеевцах, наиболее последовательных ревнителях Старой Веры.

К концу 1690-х гг. ведущее место среди наиболее радикально настроенных беспоповцев занял дьячок из Крестецкого Яма Феодосий Васильев (1661-1711), ушедший в 1699 г. вместе со своими приверженцами в Польшу. Он обосновался возле Невеля и основал там общежительство («Русановскую общину», которая существовала до 1708 г.). В двух обителях, мужской и женской, где строго соблюдался монастырский устав, собралось св. 1300 человек. В 1707 г. эти обители были разграблены польскими солдатами, а Феодосию было разрешено

поселиться в России – в Вязовской волости Великолуцкого уезда. Однако вскоре, в 1711 году он был арестован и мученически скончался.

В 1711-1718 гг. центром общины стала Ряпина мыза в Юрьевском уезде, которая распалась. И тем не менее, движение последователей Феодосия Васильева, получивших название федосеевцы, стало одним из самых сильных и последовательных в старообрядчестве. В 1752 г. на Польском соборе наставников из наиболее грамотных был принят т.н. Польский устав, который в 46 (48?) статьях кодифицировал основные положения федосеевского вероучения. К концу XVIII в. федосеевцы стали одним из наиболее сильных и влиятельных согласий. Однако от безбрачия они постепенно отошли. «Брачники» перешли в (Ново-) Поморское согласие. Последователи (другое название – Старопоморское согласие) отвергают законность совершения брака наставником общины (чем отличаются от старообрядцев Поморского согласия, у которых в права и обязанности наставника входит исполнение церковных таинств – крещения, покаяния и брака). Отсюда еще одно название – «безбрачники». Наставники у старообрядцев-беспоповцев являются руководителями общин, настоятелями моленных, исполняющими требы и возглавляющими богослужение.²

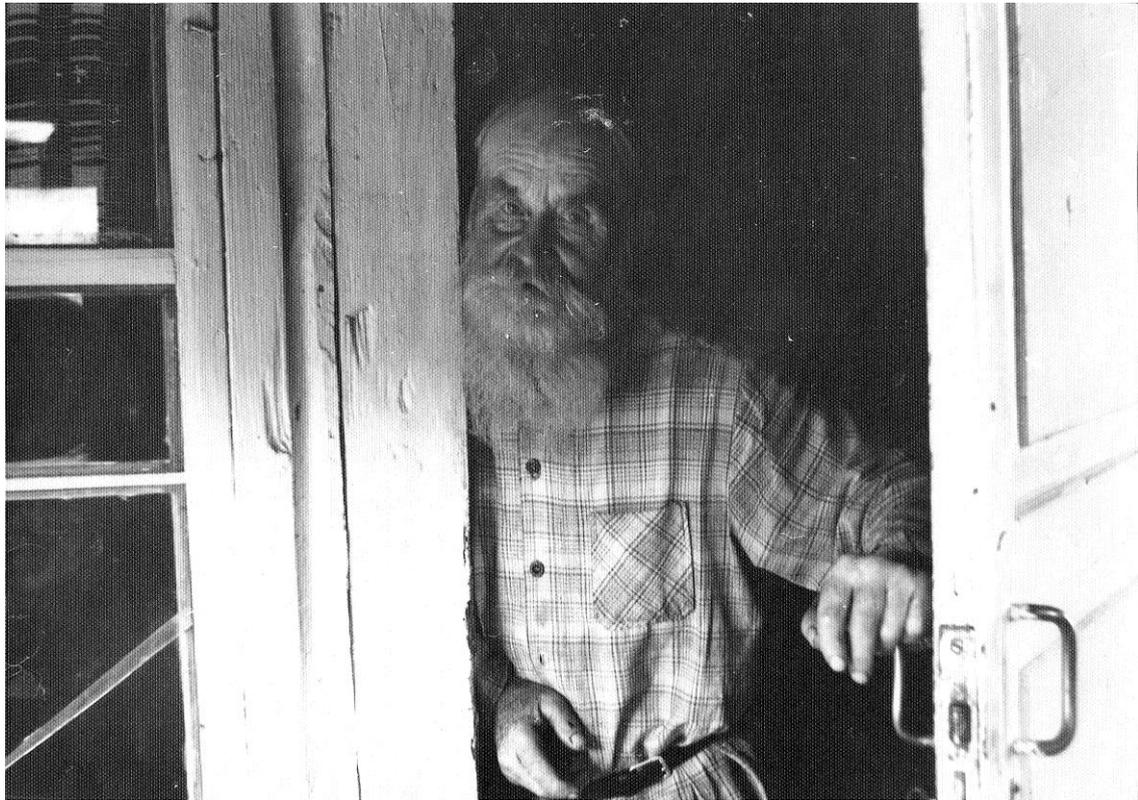
Неизвестно когда, возможно даже в пореформенное время последователи вероучения – федосеевцы переселились в западную часть Опочецкого уезда (в Посинье) – поближе к границе и подальше от государева ока. Только к концу XIX в. наблюдается послабление гонений. В 1883 г. вышло разрешение на строительство молелен с проведением богослужений, но с условием, что их здания не будут походить на церкви. К 1902-1904 гг. относится «Дело о разрешении постройки на Сивровской Горе у д. Сосновицы староверческой церкви».³

Второй известный храм в указанном районе был выстроен в д. Марфино Варыгинской волости нынешнего Опочецкого района. Предположительно он принадлежал более молодой общине. Фотографию его удалось отыскать с помощью краеведов-красногородцев. Очевидно, что деревянная церковь была выстроена после Указа 17 апреля 1905 г. «О веротерпимости», который разрешал строительство церковных старообрядческих зданий. Храм не сохранился, но, судя по фотографии, имел полную форму церковного здания, что прежде было запрещено.

Пора титанов старообрядчества, прошедших суровые испытания гонений за веру минула. Но вероучение сохраняется в новые постперестроечные времена среди молодых последователей.

² А.Н. Ефимов (Псков, 2003). Псковские старообрядцы.// в газ. Великолуцкая правда от 5 января 2013 г. №1(22272) – С.1.

³ ГАПО, ф. 39., д. 5776. 20.07.1902- 30.07.1904 гг.



Первые встречи



В доме староверов



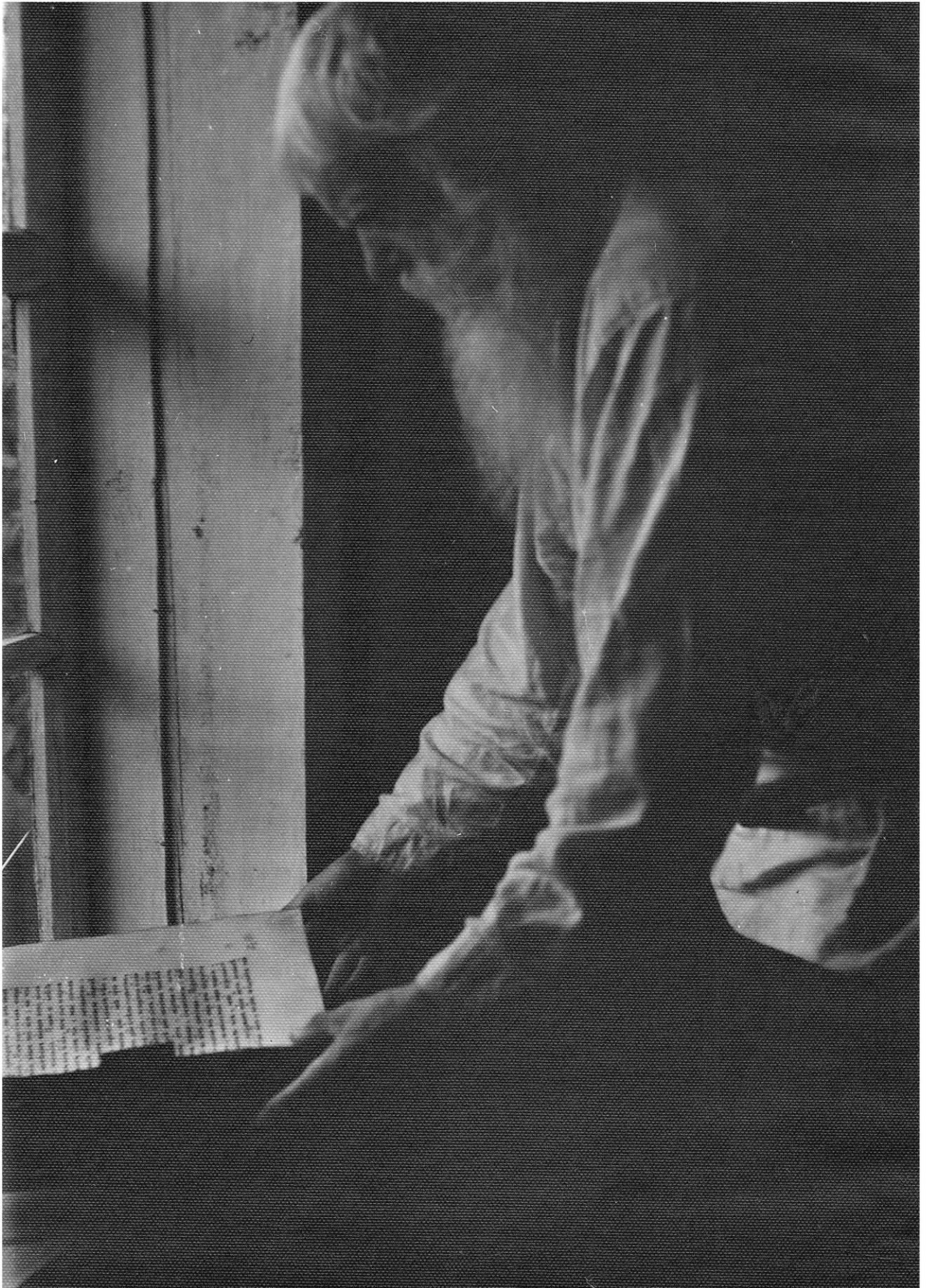
У магазина



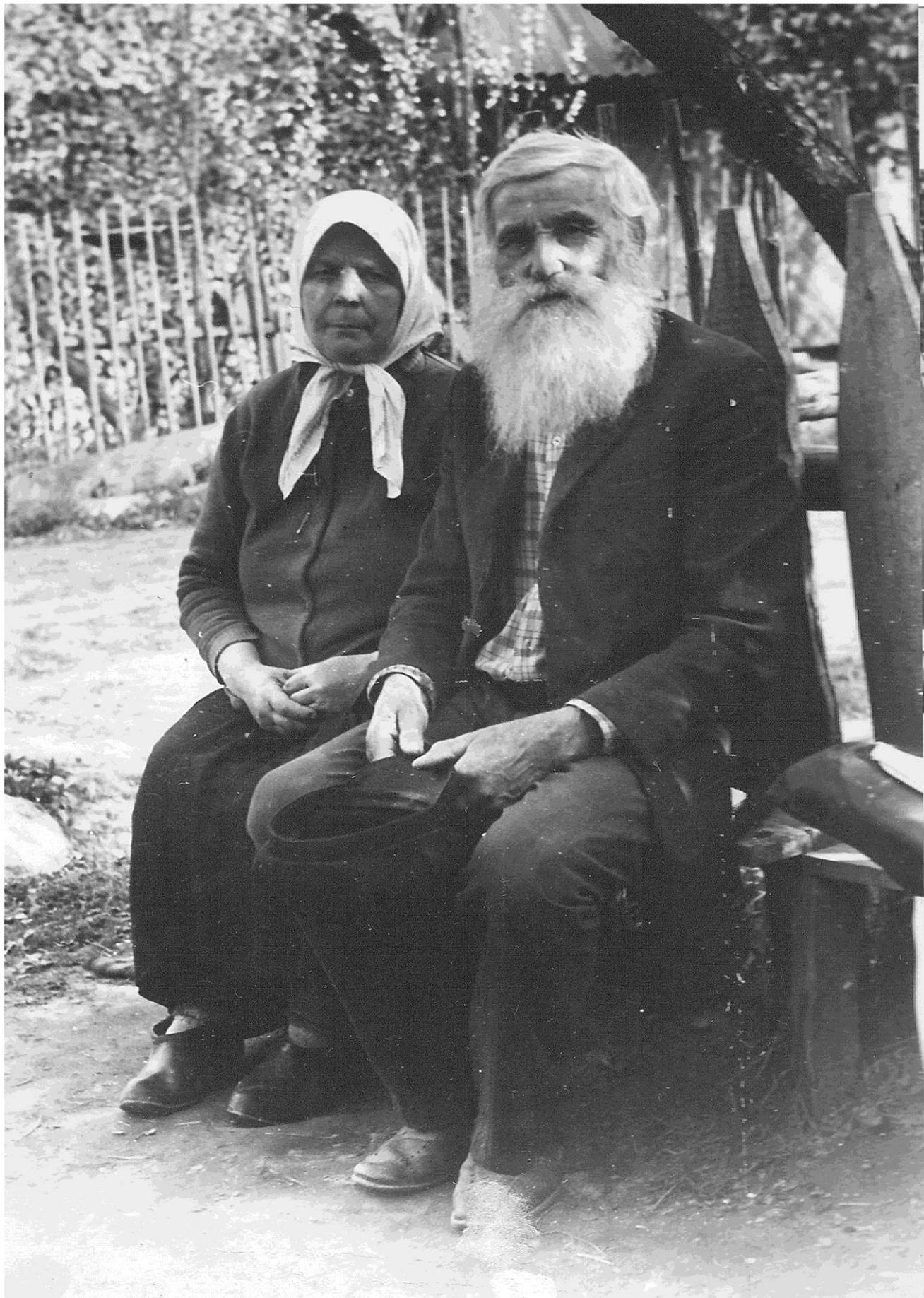
Наставник Карп



Наставник. На пасеке



Несифор



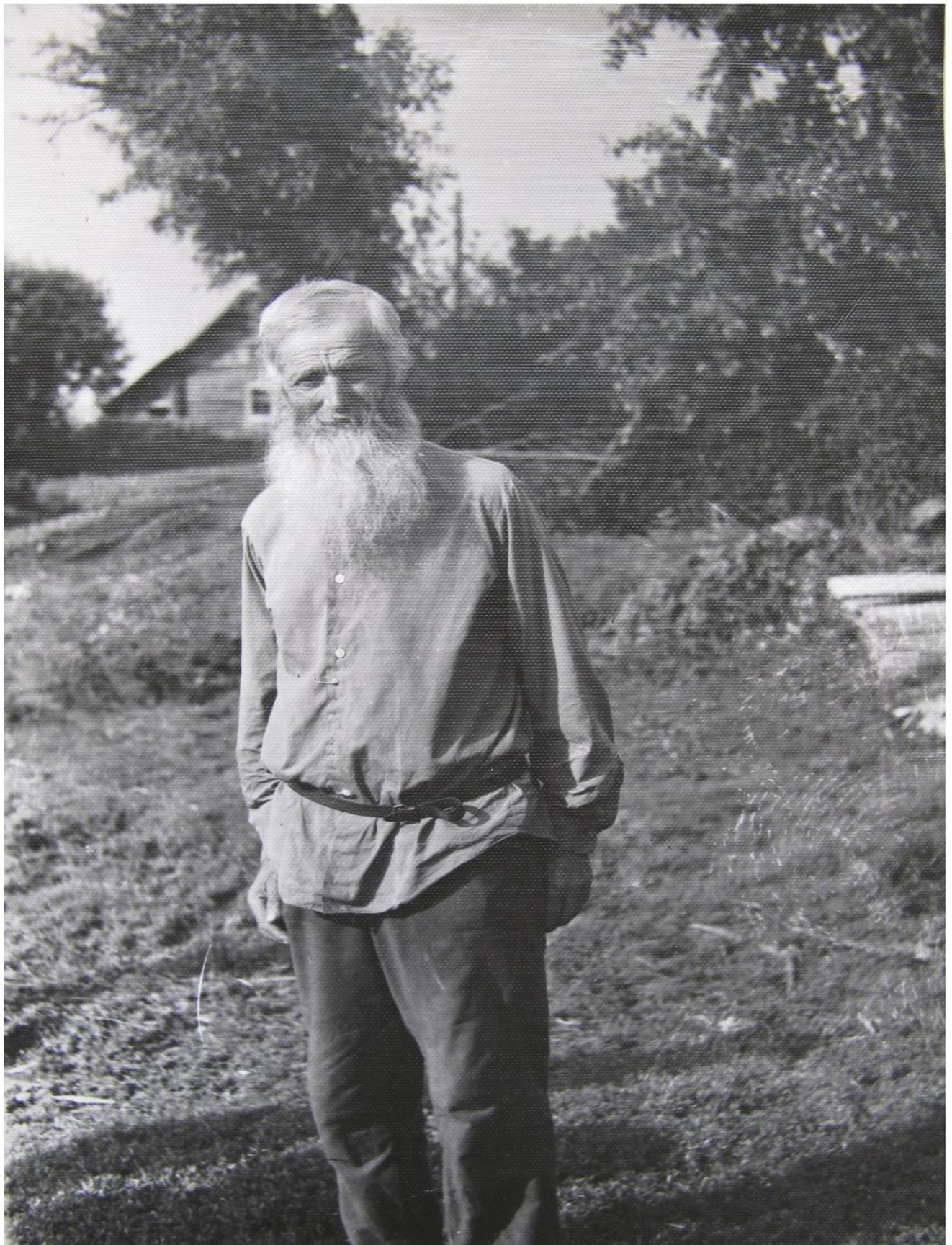
Семья староверов



Курная изба



д. Лопатчиха м. Фектя Кр



Парфен. д. Тряпы Оп



Церковь в Марфино Оп р.



Марфино. Староверы. Нач. XX в. Оп.